



УДК: 82-1"16/17"

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-912-919

КОДИФИКАЦИЯ ПОЭТИЧЕСКИХ ВОЛЬНОСТЕЙ В МЕТАТЕКСТАХ XVII—XVIII ВВ.

А.Ю. Михайленко

Институт славяноведения РАН

Ленинский проспект, д. 32А, Москва, Россия, 119334

Статья посвящена проблеме кодификации поэтических вольностей в церковнославянских и русских лингвистических сочинениях XVII—XVIII вв. *Объект исследования* — кодифицированные грамматические и лексические неравносложные версификационные варианты, основанные на разных видах изменения слов, сознательно используемые авторами для решения различных задач стихосложения. *Предмет исследования* — система поэтических вольностей в культурно-языковом контексте разных исторических периодов. *Цель исследования*: рассмотрение типов поэтических вольностей в церковнославянских и русских метатекстах. Основное внимание уделено изучению поэтических вольностей, зафиксированных в церковнославянской грамматике М. Смотрицкого и в русских филологических трактатах В. Третьяковского, А. Кантемира, Ап. Байбакова, В. Подшивалова. *Актуальность работы* определяется общим интересом современной лингвистики к исследованиям в области истории русского стихосложения, посвященным в том числе проблеме «грамматики» поэзии в аспекте диахронии.

Ключевые слова: поэтические вольности, церковнославянский язык, грамматика

ВВЕДЕНИЕ

Поэтические вольности (лат. *licentia poetica*) — это система версификационных неравносложных грамматических и лексических вариантов, основанных на разных видах изменения слов. Риторическое учение о поэтических вольностях перешло в славянские грамматические сочинения из греческих и латинских грамматик и риторик XV—XVI веков.

Возникновение в XVII в. системы поэтических вольностей свидетельствует об изменении функции церковнославянского языка, начинающего обслуживать не только тексты конфессиональной культуры, но появлявшиеся собственно литературные тексты, выполнявшие эстетические задачи. Основу формирующейся светской литературы XVI—XVII вв. составляла виршевая поэзия. Книжникам важно было добиться «украшенности» языка. Поэтические вольности позволяли стихотворцу учесть все возможные параллельные варианты, чтобы, соблюдая их, «укладываться в нужный размер по числу слогов».

ПОЭТИЧЕСКИЕ ВОЛЬНОСТИ В РАННИХ СЛАВЯНСКИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ

В набор поэтических вольностей входили неравносложные лексические и грамматические варианты. В первой славянской «Риторике», «Риторике псевдо-Макария» (сочинение кон. XVI в., приписываемое вологодскому епископу Макарию, восходящее к латинской «Риторике» Филиппа Меланхтона) поэтическим вольностям посвящен раздел «**О схематех, снй рѣчь начертанияхъ**». В «Грамматике»

(1619) Мелетия Смотрицкого соответствующий параграф называется «**О страстех речений**», а поэтические вольности характеризуются здесь следующим образом: «**Страсть речений есть речения измѣна мѣры ради стихотворны бываемая. Страсть сѣть сѣгубы изобилія и скудости**» [Смотрицкий 1619: 248—249].

Каждый вид «страсти речений» (поэтических вольностей) сопровождается примерами на увеличение и на сокращение слогов в слове. К примерам на увеличение («изобилия страсти») отнесены:

◆ «приложение» («**прелесть**» вместо «**лесть**»), «**премудрость**» вместо «**мудрость**»);

◆ «усугубление» — дублирование первого или второго слога либо буквы («**естесмы**» вместо «**есмы**», «**естесте**» вместо «**есте**»);

◆ «распространение» — включение в середину слова дополнительного слога («**царествѹю**» вместо «**царствѹю**»);

◆ «раздѣление» — расщепление одного слога на два («**радѹися**» вместо «**радѹся**», «**достонный**» вместо «**достойный**») и т.д.

Среди приемов «скудости страсти»:

◆ «отлажение» — устранение буквы или слога в начале слова («**менне**» вместо «**именне**», «**мена**» вместо «**измена**»);

◆ «стиснение» — исключение слога из середины слова («**человек**» вместо «**человеков**»); «усечение» — устранение слога в конце слова, превращение полной формы прилагательного или причастия в краткую («**чист**» вместо «**чистый**», «**бьющ**» вместо «**бьющий**») и т.д.

В набор поэтических вольностей включались и неравносложные грамматические варианты. Так, в грамматике Смотрицкого отношения между вариантными формами имен м.р. в **И. мн.** с флексиями **-е** и **-еве** рассматривались как пример «прибавления» слога в конце слова: **Припѣти / ѣсть слога в концѣ реченїа изложене / їакъ... врачеве, вмѣстѣ врачѣ** [Смотрицкий 1619: 251].

*Отношения между вариантными формами имен м.р. в **Р. мн.** с флексиями **-ъ** и **-ивъ** рассматривались как пример «убавления» слога из середины слова, при этом буква **-ъ** рассматривалась как носитель слога: **Стисненїе / ѣсть слога зъ среди реченїа изложене — їакъ человекъ, в мѣсто члвкъвъ** [Смотрицкий 1619: 250].*

*Формы существительных оказывались противопоставленными формам прилагательных и причастий, демонстрировавших «убавление» слога в конце слова: **Усеченїе / ѣсть слога в концѣ реченїа итрьшенїе. їакъ / чист в мѣсто чистый, бьющ, в мѣсто бьющїй...** [Смотрицкий 1619: 251].*

В «Риторике» отношения между книжной и некнижной формами инфинитива на **-ти** и на **-ть** рассматривались как пример «убавления» в конце слова: **продать вмѣсто продати** (Р, 75). Так, например, в текстах Симеона Полоцкого встречаются неравносложные грамматические варианты: инфинитив на **-ти** // **-ть** («Паче же молюся аз на ня ко Богу, да зло еже / любят казнить по премногу»), формы 2-го л. ед.ч. наст. вр. на **-ши** // **-шь** («Его же ради духом днесь играеш, / Сим землю, море, аер исполняешь»), рассматриваемые грамматикой как пример «убавления» слога.

КОДИФИКАЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ВОЛЬНОСТЕЙ В XVIII В.

Определяющим процессом русской языковой ситуации XVIII века явился процесс формирования и становления русского литературного языка нового типа. Уже в петровскую эпоху в связи с происходившими преобразованиями, ведущими к государственной и культурной секуляризации, установилось противопоставление традиционного церковнославянского литературного языка «простому русскому языку» как новому литературному языку. Начальная точка в понимании нового литературного языка определялась предшествующей языковой традицией, а именно гибридным вариантом церковнославянского языка. Тексты на гибридном церковнославянском языке были ориентированы на ограниченный набор маркированных книжных признаков, коррелировавших с не книжными признаками на уровне грамматических категорий. Традиция гибридного варианта церковнославянского языка формировала в языковом сознании эпохи принципиально важную оппозицию «книжные элементы//нейтральные элементы» [Живов 1996; Запольская 1985; 2008].

При негативной ориентации «простого русского языка» относительно церковнославянского создание текстов на простом языке изначально осмыслялось только как отказ от маркированных книжных элементов, в состав которых входили формы аориста и имперфекта, краткие изменяемые причастия и краткие изменяемые формы сравнительной степени, формы двойственного числа и формы звательного падежа.

Церковнославянские элементы, не входившие в набор книжных признаков, допускались и в «простой русский язык» на правах нейтральных элементов. Сферу нейтральных вариантов-элементов составляли падежные формы имен существительных и прилагательных, краткие и полные прилагательные, энклитические и полные местоимения, инфинитив на **-ти// -ть**, формы 2-го л. ед.ч. наст. вр. на **-ши// -шь**. Дальнейшая эволюция нового литературного языка, связанная с установлением его собственных норм, предполагала нормализацию нейтрального вариативного материала: либо выбор одного из элементов, либо их функциональное распределение.

На первом этапе кодификации нового русского литературного языка (30—40 гг.) ведущей нормализаторской тенденцией явилась тенденция устранения «глубокословных славенщизны» на грамматическом уровне. В этот период удаление «славянизмов» предполагало уже не только отказ от маркированных книжных элементов, но и последовательную дифференциацию ранее нейтрального вариативного языкового материала в плане новой функционально-генетической оппозиции «славянские элементы//русские элементы». Однако устранение широкой вариативности, вызывающей усложнение внутренней структуры языка, проводилось не во всех сферах литературного языка. Развитие в этот период поэтических литературных жанров особо остро поставило вопрос «об умении подчинять требованиям метрики грамматически оформленное слово... поэтому громадное практическое значение приобрели всякого рода неравносложные варианты, предоставлявшие возможность известного выбора языкового материала в соответствии с требованиями стиха» [Винокур 1959: 127].

Таким образом, конструирование поэтического языка в рамках «простого русского языка» легализовало использование церковнославянских элементов для формального разграничения языка поэзии и языка прозы. Элементы, релевантные для грамматики поэтического языка, могли восприниматься либо в плане предшествующей оппозиции как нейтральные признаки, либо в плане новой оппозиции как признаки «славянского» языка. Обе указанные возможности, облегчавшие стихотворную практику и вместе с тем удерживавшие ее в рамках «природного» русского языка, отразились в концепциях «поэтических вольностей», изложенных в трактатах двух ведущих кодификаторов — В.К. Третьяковского и А.Д. Кантемира.

Предстояло решить, учитывать систему поэтических вольностей, заданную церковнославянской традицией или отказаться от предшествующего опыта использования неравносложных морфологических вариантов.

Первую возможность реализовал Кантемир в трактате «Письмо Харитона Македонтинина к приятелю о сложении стихов русских» (1744 г.): он включил в кодекс поэтических вольностей русского языка грамматические формы, демонстрирующие приемы «стиснения» и «усечения», представленные в грамматике Смотрицкого:

М. Смотрицкий
Стисненіе/ «**ѣсть слога зъ среди реченіа изложеніе ѣакъ/ чистъ, в мѣстѣ чистомъ чловѣкъ, в мѣстѣ члвѣкъвѣ и про**» (Г1619, л. 250)

Оусеченіе/ «**ѣсть слога в концѣ реченіа ѡрѣшеніе ѣакъ/ чистъ, в мѣстѣ чистый бжцъ, в мѣстѣ бжцъ чиста, в мѣстѣ чтаа чисто, в мѣстѣ чтбѣ и про**» (Г1619, л. 251)

Прилагательная на кій ...блгогласіа дѣла ...о в концаемый слогъ прилю ... **сладкій, сладокъ** (л. 80)

А.Д. Кантемир
 «**Все сокращения речей, которые славянской язык узаконяет, можно понужде смело принять в стихах русских, так например изрядно употребляется **вѣкъ, чловѣкъ, чистъ, сладкъ, вместо вѣковъ, чловѣковъ, чистый, сладкій****» (27).

Третьяковский в трактате «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (1735 г.) предложил новую систему поэтических вольностей, большую часть которой составляли формы, относившиеся к нейтральным вариантам. Следуя за Третьяковским, эти формы кодифицировал как поэтические вольности и Кантемир:

В.К. Третьяковский
 «Местоимения *мя, ты* вместо *меня, тебя*, так же *ми, ти*, вместо *мнѣ, тебѣ*, не не часто ж кладется *ти* вместо *твой*» (16).

«Существительныя и прилагательныя имена, которыя кончат творительный единственный на *ю*, после каковаго нибудь гласнаго, могут оной кончить в стихе на *и краткое*. Так вместо *совершенную правдою*, можно положить *совершенной правдой*» (17).

А.Д. Кантемир
 «Всего же реже употреблять советую *мя, ты, ми, ти*, вместо *меня, тебя, мнѣ, тебѣ*» (22).

«Изрядно употребляются вместо творительнаго на *ами*, или *ою* сокращенное на *ы, и, ой*; так писать можно *роги* вместо *рогами*, *советы* вместо *советами*, *рукой* вместо *рукою*» (22).

«Глаголы второго лица, числа единственного, могут кончиться на *ши*, вместо *шь*, так же и неопределенные на *ти*, вместо на *ть*. Например: *пишешии* вместо *пишешь* и *писати* вместо *писать*» (16).

«Можно в глаголах второе лице единственного числа кончить на *ши* вместо *шь*, и неопределенные на *ти* вместо на *ть*; например: *пишешии* вместо *пишешь*, *читати* вместо *читать*» (23).

В.К. Третьяковский

«Сверх сего, слова, которые двойное, и часто сомнительное имеют ударение просодии, могут положиться в стихе двояко; например: *цвѣты*, и *цвѣтъ*. Однако, в сем случае, больше надобно держаться общаго употребления. Впрочем не для чего, кажется, упоминать о прилагательных сокращенных, которые понеже и в прозе часто употребляются, то в стихах могут употреблены быть, ежели надобно будет и чаще» (18—19).

А.Д. Кантемир

О вольностях рифм

«Совсем не хвалю преложение силы с одного слога на другой, так, чтоб вместо *глава* писать *глава*, вместо *законъ*, писать *законъ* и проч.» (9)

Только вводя в кодекс поэтических вольностей формы **Зв.** п., являвшиеся маркированным книжным элементом, Третьяковский представил развернутый комментарий, в котором соотнес формы Зв. п. с церковнославянским языком: «Многие *звательные надежи*, которые у нас все подобны именительным (кроме преблагословенных и превысоких сих имен: Боже, Господи, Слово, то есть воплощенное Слово) могут иногда в стихах образом славенских кончится. Так вместо *Филоть*, может положиться *Филоте*, что я и употребил в одной моей сатире» [Третьяковский 1735: 18].

Концепция поэтических вольностей, изложенная А.Д. Кантемиром, реализовалась на втором этапе кодификации языка (50—70 гг.), когда была провозглашена ориентация нового «русского» литературного языка на «славенский» язык. В этот период поэтические вольности рассматривались как принадлежность только высокого поэтического стиля и непосредственно соотносились с церковнославянским языком.

Лишь на третьем этапе кодификации (конца XVIII — начала XIX вв.) характеризовавшемся консолидацией нейтральных языковых средств, поэтические вольности вновь стали рассматриваться как нейтральные грамматические варианты, безразличные к дихотомии церковнославянского и русского языков. Так, В. Подшивалов в трактате «Краткая русская просодия, или правила, как писать русские стихи» (1798 г.) указывал, что «...стихотворец может сокращать слова, посредством некоторой перемены...» таким образом он может оказать вместо *чистый чистъ*).

КОДИФИКАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ВОЛЬНОСТЕЙ

Наряду с грамматическими формами кодификаторы вводили в предлагаемые системы поэтических вольностей и лексические элементы, которые также в зависимости от установки соотносились или не соотносились с церковнославян-

ской языковой традицией. Подчинение метрике выражалось либо в искусственном увеличении или сокращении слогов в начале/середине/конце слова, либо в использовании неравносложных родственных слов с сохранением или потерей исходной семантики. В грамматике М. Смотрицкого лексические поэтические вольности, как уже указывалось выше, с одной стороны, демонстрировали повторение первого или второго слога, или устранение слога в начале слова, с другой стороны, представляли отношения родственных слов [Смотрицкий 1619: 248—249].

Осуществившийся в XVIII веке переход от конфессиональной культуры к секулярной, возникновение новых литературных жанров вызвало необходимость кодификации набора лексических поэтических вольностей, возможных в стихах уже на русском языке. Так, В. Тредиаковский в трактате «Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий» (1735) сформулировал принцип «употребительности» поэтических вольностей, применение которого не допускало искусственного увеличения или сокращения слогов в начале/середине/конце слова: «стихотворцы весьма великую нашему языку противную употребляют вольность, когда кладут вместо... *имею способ, мею способ*».

Формирование поэтического языка в рамках нового литературного языка мотивировало появление нового типа поэтических вольностей, включавшего лексику книжных («Словам: *рыцерь, ратоборец, рать, витязь, всадник, богатырь* и прочим подобным, ныне в прозе не употребляемым, можно в стихе остаться») или фольклорных текстов («Ежели материя будет не важная и шуточная, то не некрасно положатся прилагательныя с своими существительными, в особливо поэзии... у нашего простаго народа употребленныя, например: *тугой лук, бел ша-тер* и прочия премногия подобныя») [Тредиаковский 1735: 18]. А. Кантемир, говоря об отграничении языка поэзии «от обыкновеннаго простаго слога» с целью «укрепить тем стихи свои» («Наш язык ... изрядно *из славенскаго занимает от-менные слова*»), ссылается на поэтический опыт итальянских, испанских, английских грамматиков, которые, «имея подобные нам способы, были много удачливы в *свободных стихах*». Равным образом и А. Байбаков в трактате «Правила пиитические о стихотворении российском и латинском со многими против прежнего прибавлениями» (1790) в разделе «О вольностях в стихах» признает только поэтические вольности, «употреблением утвержденные»: «Остерегаться однако же надобно, дабы не положить слов каких странных, диких и нелепых. Ибо в таковой излишней вольности погрешали иногда и знаменитые Стихотворцы. Напр. *Небо, жребю*. Вместо *жребя*» [Байбаков 1790: 34]. В. Подшивалов в трактате «Краткая русская просодия, или правила, как писать русские стихи» (1798 г.) также указывал, что «под вольностью разумеется здесь право, присвоенное стихотворцами, отступать иногда для большей удобства, от тех правил, коих прозаик нарушать не должен...» [Подшивалов 1798].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, набор элементов системы поэтических вольностей зависел от типа литературного языка и от лингвистической установки конкретного исторического периода. Основной исторический смысл поэтических вольностей за-

ключался в том, что посредством их решалась проблема использования ресурсов традиционного церковнославянского языка в рамках нового русского литературного языка. В поэтической практике XVII в., XVIII в., а затем и XIX в. поэтические вольности получили широкое распространение, поскольку предоставляли возможность выбора языкового материала в соответствии с требованиями стиха.

© Михайленко А.Ю.

Дата поступления: 2.08.2017

Дата принятия к печати: 10.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Байбаков А.* Правила пиитические о стихотворении российском и латинском со многими против прежнего прибавлениями: с приобщением Пиитико-Исторического словаря... а также Овидиянские превращения при конце отборные Пуб. Виргилия Марона стихи. Изд. 4. Москва, 1790.
2. *Винокур Г.О.* Избранные работы по русскому языку. Москва: Учпедгиз, 1959.
3. *Живов В.М.* Язык и культура в России XVIII века. М.: Языки русской культуры, 1996.
4. *Запольская Н.Н.* «Усеченные» причастия в русском литературном языке XVIII века // Вестник Московского университета. Сер. Филология. 1985. № 3.
5. *Запольская Н.Н.* Грамматика и субграмматика славянских литературных языков (XVI—XVIII вв.): теория и история норм // XIV Международный съезд славистов. Славянское языкознание, Доклады Российской делегации. 2008.
6. *Подшивалов В.С.* Краткая русская просодия, или правила, как писать русские стихи. Изданы для воспитанников Благородного Университетского Пансиона. Москва, 1798.
7. *Смотрицкий М.* Грамматіки Славѣ?нски) пра?вилноє Сц?нтагма Мелеті) Смотри?скоє҃. В Ђве. 1619 (репринт *Мелетий Смотрицький* Грамматика Киев, 1979).
8. *Тредиаковский В.К.* Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий. Санкт-Петербург, 1735.

УДК: 82-1"16/17"

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-912-919

POETIC LICENCES IN METATEXTS OF THE 17TH TO EARLY 18TH CENTURIES

A.Yu. Mikhaylenko

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
32A Leninsky Av., Moscow, Russia, 119334

Abstract. The article is devoted to the problem of of poetic licences' codification in Church Slavic and Russian linguistic works of the 17th—18th centuries. The object of the study is the codified grammatical and lexical unequal versification variants based on different kinds of word accident, responsibly used by the authors to solve various problems of versification. The subject of the study is the system of poetic licences in the cultural and linguistic context of different historical periods. The purpose of the study: consideration of poetic licences' types in Church Slavonic and Russian metatexts. The research is focused the study of poetic licences, recorded in the Church Slavonic grammar of M. Smotritsky and in Russian philological tracts of V. Trediakovski, A. Kantemir, Ap. Baibakov, V. Podshivalov. The relevance of the work is determined by a general interest of modern linguistics to research in a history of Russian versification, among which are the problems of the poetry "grammar", presented in an aspect of diachrony.

Key words: Poetic licences, Church Slavonic language, grammar

REFERENCES

1. Baibakov, A. (1790). *Pravila piiticheskie o stikhotvorenii rossiiskom i latinskom so mnogimi protiv prezhnego pribavleniyami: s priobshcheniem Piitiko-Istoricheskogo slovarya... a takzhe Ovidiyanskie prevrashcheniya pri kontse otbornye* Pub. Virgiliya Marona stikhi. Izd. 4. Moscow. (in Russ.).
2. Vinokur, G.O. (1959). *Selected works on Russian language*. Moscow: Uchpedgiz (in Russ.).
3. Zhivov, V.M. (1996). *Language and culture in Russia of the XVIII century*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury (in Russ.).
4. Zapolskaya, N.N. (1985) "Clipped" adjectives in the Russian Standart language of XVIII century. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, Vol. 3. (in Russ.).
5. Zapolskaya, N.N. (2008). *Grammar and sub-grammar of Slavic literary languages (XVI—XVIII centuries): the theory and history standards / XIV International Congress of Slavists. Slavic linguistics. Reports of the Russian delegation*. Moscow. (in Russ.).
6. Podshivalov, V.S. (1798). *A short Russian prosody, or the rules of how to write Russian poetry*. Published for the students of the Noble University hostel. (in Russ.).
7. Smotriskii M. (1979). *Meletiy Smotriskiy's Grammar book. 1619*. (in Russ.).
8. Trediakovskii, V.K. (1735). *Trediakovskij's Method of 1735*. (in Russ.).

Для цитирования:

Михайленко А.Ю. Кодификация поэтических вольностей в метатекстах XVII—XVIII вв. // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 912—919. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-912-919.

For citation:

Mikhailenko A.Yu. (2017). Poetic licences in metatexts of the 17th to early 18th centuries. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 912—919. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-912-919.

Сведения об авторе:

Михайленко Арина Юрьевна, младший научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук; научные интересы: история русского литературного языка, поэтический язык, история литературных языков; e-mail: mihaylenko@gmail.com

Bio note:

Mikhailenko Arina Yurievna, Junior Researcher of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences; Scientific Interests: the history of the Russian standart language, poetic language, the history of standart languages; e-mail: mihaylenko@gmail.com